

Абрис

Сорокалетье – строгая пора...

Извечный страх перед белым листом чувствуется вдвойне... Потому что рядом с ним - вот эта реквиемная фотография Талькова. На черном фоне, с алым цветком в руке. Как будто - себе... Как будто - знал... И напрямую произнес накануне: «Меня убьют при большом стечении народа, и убийцу не найдут...»

Почти все поэты в том или ином (как ни парадоксально, чаще - в юном и безоблачном) возрасте в процессе самовыражения беспечно отдергивают край черной завесы, разделяющей две основополагающие субстанции бытия - Жизнь и Смерть. Как и водится, самовосхищаясь собственным бесстрашием, готовностью по любому поводу (ушла любимая, плохо с деньгами, никто не понимает и т.д.) без особых колебаний преодолеть роковую черту. Такая беспредельная «суицидальность» среди творческой братии даже пугает... Помирать в каждой второй строчке, по нескольку раз на дню - дело уже привычное и даже (о, ужас!) достаточно модное... Но вот, выражаясь по-нынешнему, готовых «за базар ответить» со времен дуэлянтов Пушкина-Лермонтова - попробуй найди... «Невольников чести» «с свинцом в груди и жаждой мести» «никнуть гордой головой» заметно меньше, чем «декларантов». Наоборот, демографические показатели в рядах «несгибаемых» и «готовых, не дрогнув, за идею...», только-только и спасают от необратимого процесса вымирания многострадальную Россию.

А она уже пять лет без убитого Талькова... И сейчас в его сорокалетие, хорошо зная его по жизни, немало попив с ним на гастролях в одном номере, с общим кипятильником (не только чаю), пытаюсь представить себе: а что было бы, если бы не эта многократно проклятая «солянка» в «Юбилейном»? Ведь тогда, в 91-м, прорастали только «цветочки» нашей ныне вовсю разгулявшейся «демократии». Каково же ему было бы сейчас ехать вместе с нами в одном трамвае уже «по ягодки», с не складывающейся, как зонтик, аурой? Аурой неписываемости в наше благодушно-трусоватое существование... Что, пел бы свой «Летний дождь» или «Чистые пруды» в найт-гадюшниках для «мобильнизованных» и «пейджеризованных» быков и их путан? Или обслуживал бы их на дому и в банях, как это делает сейчас почти вся наша люмпенизированная поп-тусовка? И, как они, жаловался бы потом «селедкам пера», как все было унижительно и жутко и как потом «братки»

чуть было не заплатили... Не поет. И не пел бы, знаю точно. И будь жив, может быть, многим при нем, живом, тоже было бы стыдно это делать, несмотря на отсутствие былых «чесов» по городам и весям необъятного Союза.

Месяц назад отмечавшаяся другая «круглая» дата - пять лет со дня гибели Игоря - собрала под своды нескольких московских залов людей помнящих и любящих его. По пальцам можно было пересчитать вышедших на сцену коллег-профессионалов. Поминала больше молодежь, никогда Талькова живьем не видевшая и не слышавшая, но знающая его творчество и чтящая его память. А «звезды», пять лет назад у гроба Игоря окроплявшие слезами микрофоны и говорившие, что не представляют, как вообще будут жить дальше... в это время дружно «рубил капусту» в ночниках. Шоу-бизнес - черная дыра. Денег требует прорву... Но сколько их не «наруби», никогда на них не купишь того, что было у Талькова. Того, что он и унес с собой, выстрадав свой взлет и пролетев, как метеорит, по немыслимой параболе - от «Чистых прудов» до «России». Не потеряв лица. Ни на секунду не поступившись достоинством и талантом, данным ему Богом. Отвечал по-мужски за каждое произнесенное со сцены и вне ее слово... И раз обещал в одной из прощальных песен вернуться - обязательно вернется. Как только мы вернемся с войны. Как только перестанем быть Страной Дураков...

Владимир ПОПКОВ.

**Поэты долго не живут,
Взрезая плоть пера металлом,
Они стихи, как кровь, сдают
И потому их в мире - мало...**

**Туда, в заоблачную вьсь,
Взамен упавших звезд взлетая,
Они свою, другую жизнь,
Прервав земную, начинают...**

**Не успевая поседеть,
Они уходят мудрецами,
Жизнь и удельный вес свинца
Познав пробитыми сердцами...**

Фото публикуется впервые.